

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»: ОБЗОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАНДЕМИИ

Н. В. Антонова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье осуществляется анализ социального контекста «новой нормальности» в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции. Раскрывается сущность и содержание «новой нормальности». Отмечается, что «новая нормальность» является сложным многокомпонентным конструктом, что требует междисциплинарного подхода к ее изучению. С целью выявления социальных характеристик «новой нормальности» в период пандемии были проанализированы статьи в социологических журналах на тему эпидемии коронавируса за период 2020–2022 годов, а также данные опросов общественного мнения. Выявлено, что основными проблемами социологических исследований являются: социальное самочувствие граждан в период пандемии, влияние средств массовой информации на восприятие пандемии, воздействие пандемии на повседневные общественные практики. Сделан вывод, что в период пандемии новая реальность характеризуется трансформацией повседневных практик, способов межличностного взаимодействия, организации труда и сферы услуг с уклоном в цифровизацию. Показано, что изменения носят в основном негативный характер, поскольку сопровождаются ухудшением экономического положения, снижением качества жизни, маргинализацией общественных и индивидуальных повседневных практик, ухудшением социально-психологического самочувствия. Также в статье обозначены дальнейшие перспективы исследования.

Ключевые слова: новая нормальность, пандемия, цифровизация, инфодемия, недоверие, социальное самочувствие.

Введение

В эпоху пандемии COVID-19 социологи, экономисты, политологи, журналисты, а также политические и общественные деятели все чаще оперируют термином «новая нормальность». Однако «новая нормальность» не является непосредственной результирующей коронавируса – в своей истории человечество неоднократно переживало этапы «слома» повседневности с последующим формированием кардинально новых основ общественной жизни с трансформированными поведенческими стандартами, ценностями, нормами, мировоззрением. Так случалось в эпохи государственных переворотов, принятия новых религий, научно-технических революций. Однако, как замечает С. М. Плиев, сами по себе кризисные явления не могут стать фундаментом «новой нормальности», если они не закрепляются на длительное время и не формируют новых стабильных форм отношений [1]. И в этих условиях перед человеком и обществом неизбежно встает выбор – относиться к кризису как к источнику и потенциалу личностного и общественного развития или же опускать руки и «зарывать голову в песок», надеясь пережить кризис с минимальными потерями либо же морально готовясь к крупным потрясениям.

Пандемия коронавируса не сформировала принципиально новую реальность – скорее произошло ускорение тех тенденций и перемен, кото-

рые назревали уже длительное время на фоне процессов информатизации глобализирующегося общества. 2020 год оказался подходящим моментом для того, чтобы целый ряд граней социального пространства – потребление, труд, персональное взаимодействие, культура, образование и здравоохранение – был перенесен в виртуальную среду. Анализ этих изменений в силу их многосторонности требует исследовательской работы в рамках междисциплинарного подхода. Настоящая статья является ее первым этапом, цель которого – выявление основных характеристик социального пространства «новой нормальности» в условиях пандемии коронавируса. Для достижения данной цели в работе ставится ряд задач: описание сущности «новой нормальности», анализ содержания «новой нормальности» с позиции социологического, экономического и политологического подходов, характеристика базовых составляющих социального самочувствия в ситуации пандемии.

Обзор литературы

Сущность «новой нормальности» в экономическом и политическом аспектах выявляли А. С. Булатов, Е. Р. Крылова, В. А. Лапшов, С. М. Плиев [1–5]. Контуры «новой нормальности» в эпоху пандемии анализировали такие зарубежные социологи и философы, как Д. Александер (феномен пандемии как «естественного эксперимента»), Д. Агамбен и С. Бенвенуто (пандемия как угроза свободе и про-

вокация отчуждения близких), Р. Коллинз (пандемия как критический тест на проверку солидарности), М. Дасгупта (пандемия как основа для формирования «новой нормальности»), В. Байхан (пандемия как фактор появления «параноидально-шизоидного» общества [8–12]. Среди отечественных исследователей анализ социальных отношений в период пандемии – отношение к ограничительным мерам, проблемы адаптации повседневной деятельности к новым условиям, влияние средств массовой информации на социальные настроения граждан – проводили А. В. Андреев, А. С. Архипова, В. В. Василькова, Н. Ю. Вяткина, М. В. Гаврилова, К. С. Гаджиев, К. А. Галкин, К. П. Глазков, Е. В. Дмитриева, М. А. Завадская, О. Г. Исупова, А. А. Кирзюк, И. В. Козлова, А. Е. Лагерева, Н. И. Легостаева, М. О. Макушева, Т. А. Нестик, А. В. Носкова, С. В. Павлов, Б. С. Пейгин, Н. В. Петров, Н. В. Присяжная, Д. А. Радченко, А. В. Решетников, Е. Ю. Рождественская, Б. О. Соколов, В. Г. Федотова [7, 13–22]. При этом исследования указанных авторов зачастую имеют одноаспектный характер, что не позволяет получить целостное представление о социальном контексте пандемии.

Методы исследования

Методология исследования базируется на системном подходе, раскрывающем многокомпонентность структуры социальной системы «новой нормальности» и обеспечивающих ее механизмов. В работе также применен метод качественного анализа документов – для исследования были отобраны статьи, опубликованные в журналах «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» и «Социологические исследования», вышедшие в 2020–2022 годы и посвященные анализу социальных отношений в период пандемии, и вторичный анализ социологических данных – сделана интерпретация результатов опросов общественного мнения, проведенных исследовательским центром ВЦИОМ.

Результаты и дискуссия

О концепте «новая нормальность» (new normal) заговорили в 30-е годы XX века в США во времена Великой депрессии, когда появилась необходимость в адаптации к ее последствиям как экономической системы, так и всего общества. Более широкое распространение этот термин получил после финансового кризиса 2008 года, когда пришло осознание того, что мировая экономика сталкивается с неизвестными (или, по крайней мере, малораспространенными) до настоящего времени явлениями – снижением темпов экономического роста и четвертой промышленной революции, с изменившимся характером глобализации [2]. Сегодня понятие «новая нормальность» вновь стало актуальным в связи с пандемией коронавируса, которая не только привела к изменениям в экономических системах практически всех стран мира, но и вызвала глубокие трансформации культурных и социальных повсе-

дневных практик, оказала влияние на поведение политических агентов, которым пришлось принимать непопулярные управленческие решения в ситуации неопределенности.

«Новая нормальность» является сложным многокомпонентным конструктом, включающим в себя как минимум пять составляющих – экономическую, политическую, социальную, информационную, культурную, что требует междисциплинарного подхода к ее изучению.

Так, с экономической точки зрения «новая нормальность» определяется как экономическая ситуация, для которой характерно долговременное снижение темпов экономического роста, девальвация валюты и высокая волатильность её курса, низкая степень действенности денежно-кредитной политики, отсутствие ближайших перспектив выхода из кризиса на фоне непрекращающегося поиска эффективных способов решения проблемы [3].

В рамках политологического подхода «новая нормальность» репрезентирует политическую ситуацию неопределенности, турбулентности, разрушения однополярного миропорядка, в который неожиданно врывается пандемия и подрывает и без того хрупкие основания существующей мир-системы. Как утверждает К. С. Гаджиев, новая коронавирусная реальность четко показывает, что «...человек эгоистичен, а в тех или иных формах вызовах, турбулентных состояниях, тем более угрозах экзистенциального масштаба, эгоистично могут проявлять себя целые человеческие сообщества, народы, нации, государства». Вместо ожидавшегося единства на мировой арене значительно возрастает уровень противоречий и конфликтности, актуализируется «...демонизация друг друга реальными и потенциальными противниками на геополитической арене», что вызывает различные формы фобий, расизма, национализма, международного терроризма, переосмысление идей либерализма и демократии, направлений глобализации, подрыв основ однополярного порядка и международного права, развертывание санкционных войн [4, с. 255–256].

Социологический подход под «новой нормальностью» понимает «...ситуацию неопределенности социума при выборе решения о взаимодействии, основанном на вероятности ожидаемой дифференциации по доходу, качеству жизни и социальному самочувствию» [5, с. 6].

Качество жизни и социальное самочувствие населения характеризуют следующие основные показатели: политико-правовые (социальное законодательство в отношении поддержки населения, доверие институтам власти, правовая культура населения), социально-экономические (уровень дохода и общая ситуация на рынке труда), социокультурные смыслы и ценности жизни (идеалы, ценности, стереотипы и установки, представление о смысле жизни), социально-психологические (гар-

моничность психологического состояния личности, удовлетворенность межличностными связями и отношениями, особенности проведения свободного времени), а также социально-медицинские показатели (качество работы медицинских учреждений и общее состояние здоровья граждан).

Соответственно, в ситуации «новой нормальности» происходят нарушения в вышеперечисленных практиках и состояниях, вызванные потерей стабильности и неопределенностью будущего. Человек и общество оказываются в положении маргинальности – на развилке дальнейшего пути развития, перед лицом пугающей неизвестности, поскольку старый мир рушится, а контуры нового только начинают очерчиваться. Э. Стоунквист маргинальную личность наделяет такими амбивалентными свойствами, как стеснительность, склонность к социальной изоляции, тревожность, разочарованность, ощущение бессмысленности существования, отчаяние, но в то же время агрессивность, эгоизм и честолюбие [6]. В разные периоды маргинализации общества и ее следствию – возникновению «новой нормальности» – способствовали различные факторы: революции, завоевательные войны, природные катаклизмы, массовые эпидемии, смена религий. В настоящее время главным фактором трансформации является пандемия нового коронавируса.

В. Г. Федотова описывает современную «новую нормальность» как репрезентирующую весь процесс развития пандемии – начальный этап распространения инфекции, его глубокая фаза с введением ограничительных мер, плато по количеству заражений, этапы ослабления и последующего снятия ограничений и (пока гипотетическая) пост-эпидемическая ситуация. В рамках этого процесса у населения формируется особый образ жизни, характеризующийся травматичным переживанием существующих ограничений, в особенности нормальных социальных взаимодействий, отказом от прежней жизни и сужением горизонта планирования. Исследователь также приходит к выводу, что сегодня можно говорить о становлении нового социального порядка, в результате чего происходит переоценка прошлого и осознается невозможность возврата к прежней жизни в ближайшем будущем. «Опривычивание» новой нормальности (а по факту «ненормальности») способно в дальнейшем привести к утере способности различать «нормальность» и «ненормальность» в социальных взаимодействиях. «Новая нормальность», таким образом, предстает как «...специфическая культурная способность к воспроизведению традиций и обычаев, а также к их изменению и функционированию в новых условиях» [7, с. 93].

Рассмотрев различные подходы к анализу «новой нормальности», можно раскрыть ее содержание следующим образом: «новая нормальность» – это трансформация привычного уклада

жизни общества, которая сопровождается «опривычиванием» негативных процессов и явлений – снижения темпов экономического роста, политической «турбулентности», вызванной разрушением однополярного мира и ростом политических конфликтов, распространения человеконенавистнических идеологий, снижения качества жизни, маргинализации общественных и индивидуальных повседневных практик, ухудшения социального самочувствия в новых условиях.

Пандемия коронавируса придала новый оттенок происходящим колебаниям и потрясениям в современном мире, многократно обострив имеющиеся проблемы, и внесла новые сложности, поставив под удар многие демократические и гуманистические ценности – прежде всего свободу, возможность выбора, желание находиться с близкими в любой момент нашей жизни. Вдобавок к этому существенно ускорилось распространение цифровых и информационных технологий во всех сферах социальной деятельности, к чему не все оказались готовы. В период пандемии и скорее всего в ближайшее время после нее новая реальность будет определяться трансформацией повседневных практик, способов межличностного взаимодействия, организации труда и предоставления услуг с уклоном в цифровизацию. Вместе с тем, это и приводит к возникновению новой формы неравенства – цифровому неравенству, репрезентирующему асимметричные отношения между разными группами населения по критерию доступа к современным информационно-коммуникативным технологиям. Особенно остро эта проблема проявилась при переходе к дистанционному обучению.

Анализируя существующую ситуацию, американский социолог Джеффри Александер указывает на неожиданный эффект пандемии: несмотря на всю трагичность сложившейся ситуации, социологи еще долго будут оценивать COVID-19 как «естественный эксперимент». Знакомые повседневные практики модифицировались и оказали влияние на политику общественного здравоохранения, определили рамки политической легитимности, привели к возникновению солидарности, что в итоге превратило жизнь людей в массовый карантин. В эту новую фазу развития общества угроза превращается в рутину, появляются новые условности, ритуалы, образы и нарративы, которые начинают восприниматься как должное даже в ситуации неравновесности [8]. Следуя логике Дж. Александера, можно говорить о том, что пик адаптации к «новой нормальности» уже пройден, она постепенно легитимизируется в нашей новой жизни.

Однако другой социолог, Рэндалл Коллинз, оспаривает подобное «опривычивание» «новой нормальности». Он не сомневается, что политическая власть и технологические разработки могут вынудить людей отказаться от многих непосредственных способов взаимодействия, поскольку

люди «культурно податливы», но тот факт, что мы можем привыкнуть ко всему, вовсе не означает, что мы не заплатим за это высокую цену. Если люди, исключенные из непосредственных взаимодействий, станут более подавленными, менее энергичными, менее солидарными с другими людьми, у них возрастет уровень тревожности, недоверия и даже враждебности [9].

В качестве закономерного итога такого разбалансирования психологического состояния и одного из «наиболее печальных эффектов карантина» итальянские философы Джорджо Агамбен и Серджо Бенвенуто (Giorgio Agamben, Sergio Benvenuto) называют разрушение человеческих отношений: «К другому человеку, кем бы он ни был, даже к любимому человеку, нельзя приближаться или прикасаться, ... необходимо соблюдать определенную дистанцию. Опасность подстерегает повсюду, даже в ребенке, бабушке и дедушке, любимом человеке... Наш ближний был уничтожен». Авторы замечают, что люди настолько привыкли жить в условиях постоянного кризиса и чрезвычайной ситуации, что перестали обращать внимание на то, что их жизнь оказалась сведена только лишь к биологическому состоянию, утратившему не только какое-либо социальное и политическое измерение, но и эмоциональное, сострадательное. То общество, которое живет в постоянном чрезвычайном положении, состоянии страха и неуверенности, не может быть свободным. Свобода здесь была принесена в жертву» соображениям безопасности». По меткому замечанию философов, мы говорим о вирусе в терминах войны. Однако это война, развязанная против невидимого врага, – самая абсурдная из войн, поскольку «...враг не где-то снаружи, он внутри нас» [10].

Подобная характеристика уровня психологического благополучия личности в эпоху пандемии практически полностью соответствует описанию Э. Стоунквистом почти столетие назад маргинального человека, а значит, еще раз напоминает о том, что ситуация «новой нормальности» возникает не первый раз в истории человечества и является обычной характеристикой жизни человека и общества в состоянии маргинальности, которому как раз свойственны пограничный социокультурный статус, удаленность от нормативно-символического центра доминирующей культуры, состояние психологической дезадаптации.

Об ухудшении психического и социального здоровья граждан и общества говорит и турецкий социолог Вехби Байхан (Vehbi Bayhan): пандемия COVID-19 оказала негативное влияние на государство, общество и человека, вынуждая людей жить в состоянии тревожности, страха и недоверия. По мнению исследователя, все пандемии в истории человечества так или иначе вызвали трансформации в обществе, но текущая ситуация чрезмерно ускорила переход к информационному обществу, обществу риска и обществу слежки, изменила се-

мейные отношения, формы обучения и трудовой деятельности. Практика постоянного пребывания дома трансформировала повседневную жизнь детей, молодежи, пожилых людей, женщины и мужчины; страх вируса отчуждает друг от друга и формирует «параноидально-шизоидное» общество [11].

Индийский социолог Мадхурима Дасгупта, размышляя о пандемическом кризисе, также приводит в качестве его следствия изменившуюся реальность, называемую «новой нормальностью», породившую множество социальных норм и практик, отразившуюся и на научной сфере:

- физическое дистанцирование;
- поддержание социальной солидарности;
- изменение формы взаимодействия (например, способов приветствия и обучения);
- социальная изоляция и маргинализация сообществ: на фоне финансовой нестабильности произошла вспышка домашнего насилия; большое количество детей-инвалидов стало страдать от тревожных расстройств, пожилые пациенты оказались изолированными в связи с нехваткой жилья в больницах и домах престарелых.

Помимо этого, произошла смена парадигмы в социальных исследованиях: новые нормы физического дистанцирования бросают вызов социологам, практикующим качественные исследования, особенно этнографические методы [12].

Обобщив взгляды рассмотренных зарубежных исследователей, можно констатировать, что несмотря на то, что «новую нормальность» характеризует рост солидарности, обусловленный вынужденным согласием подчиняться вводимым ограничениям, отсутствие личной свободы рано или поздно приведет к возросшему уровню тревожности, подавленности, недоверия, насилия и враждебности – к государству, друг другу и самим себе.

Возникновение «новой нормальности» практически сразу вызвало отклик со стороны социологов-эмпириков. Для социологического анализа социальных контуров «новой нормальности», вызванной пандемией COVID-19, определяющих социальное самочувствие и качество жизни населения, были отобраны статьи, посвященные социологическому исследованию пандемии и опубликованные в журналах «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» и «Социологические исследования», в период 2020–2022 гг.

По содержанию исследования были разделены на три смысловые группы:

- 1) социальное самочувствие граждан в период пандемии;
- 2) влияние средств массовой информации на восприятие пандемии и проблема инфодемии;
- 3) влияние пандемии на повседневные общественные практики.

Далее рассмотрим основные результаты исследований.

Введение ограничительных мер вызвало неоднозначную реакцию населения, в связи с чем большая часть социологов сосредоточилась на анализе такого нового социального явления, как «ковид-скептицизм», сопровождаемый «ковид-диссидентством». Так, О. Г. Исупова, О. Ю. Рождественская и А. Е. Лагерва анализируют явления ковид-диссидентства и ковид-скептицизма в социальных сетях. Исследователи выявили, что, по мнению ковид-скептиков и ковид-диссидентов, ситуация с коронавирусом является результатом целенаправленных действий государства в целях ослабить или уничтожить часть населения, поработить его посредством карантина, цифровизации и вакцинации. Обоснование подобной идеи с приписыванием себе превосходства в понимании скрытых причин происходящего включает в себя следующие аргументы: религиозные (осуждение конкуренции с богом), моральные (чувство социального унижения и порабощения), информационно-цифровые (страх перед цифровизацией, страх перед «оболваниванием»), демографические (страх изменения человеческой природы), правозащитные (нагнетание угрозы поражения в правах, чувство возмущения обязательностью ковид-ограничений за счет уподобления опыту фашизма) и институциональные (разоблачение принадлежности авторитетных организаций к тайным злонамеренным силам). Эмоциональная насыщенность суждений характеризуется тревогой, недоверием, страхом и сдержанной агрессией [13].

Б. О. Соколов и М. А. Завадская установили, что большинство российских ковид-скептиков составляют мужчины, люди среднего и старшего среднего возрастов, а также лица без высшего образования. Опыт заболевания новой коронавирусной инфекцией приводит к снижению уровня скептицизма, в то время как негативные экономические последствия пандемии (потеря работы) повышают его. Помимо этого, ковид-скептики характеризуются негативным отношением к миграции, глобализации и международному сотрудничеству, с недоверием относятся к традиционным СМИ, правительству, здравоохранительной системе и национальным институтам в целом [14]. Подобная картина состояния общества в период пандемии описана вышеупомянутым Вехби Байханом и соответствует характеристикам маргинальной личности, обозначенным Э. Стоунквистом.

К. П. Глазков исследует прививочные стратегии россиян, в основе которых лежат представления об эффективности и перспективах массовой вакцинации. Автор показал, что в большинстве случаев государственные меры борьбы с пандемией воспринимаются как принуждение, само государство предстает как «чужой», заставляя индивидов сопротивляться. Все это подрывает доверие к властным институтам и снижает темпы вакцинации. Большинство россиян предпочитает надеяться на свое здоровье и рассчитывать на собствен-

ные силы [15]. А. А. Кирзюк также акцентирует внимание на том, что определенная часть респондентов, идентифицированных в качестве ковид-диссидентов, начала дистанцироваться от института официальной медицины и заботиться о своем здоровье в автономном режиме еще задолго до пандемии и склонна поддерживать идеи антипрививочного движения в целом [16].

Общий социально-психологический фон пандемии может быть охарактеризован как кризисный, наполненный страхами и тревогами за свое здоровье и материальное благополучие. К подобным выводам пришел А. В. Решетников. Сфокусировавшись на восприятии пандемии COVID-19 жителями Москвы, он выявил, что основные опасения москвичей вызывает высокий рост распространения инфекции, отсутствие вакцины и эффективного лечения, страх за здоровье родителей, риск возникновения «эпидемии одиночества» как результата практики дистанционных отношений, возможный спад экономики, сопровождаемый ростом цен при одновременном снижении дохода, дискомфорт из-за ограничения личного пространства и организации отдыха [17].

Таким образом, отношение к пандемии и ограничительным мерам отличается повышенным уровнем стресса, вызванным необходимостью перекраивать повседневные практики организации рабочего и свободного времени и беспокойством за физические и материальные условия существования, недоверием к государству и приверженностью конспирологическим теориям. Государственная поддержка призвана снизить социально-психологический дискомфорт и улучшить социальное самочувствие граждан, но при условии доверия к властным институтам.

В условиях локдауна интернет и социальные сети превратились в основной источник информации, а также стали площадкой для виртуальных встреч и дискуссий. Для большого количества людей общественная жизнь приобрела цифровой формат. В такой ситуации социальные сети и мессенджеры сыграли ведущую роль в распространении непроверенной информации. Страх вируса во многом явился результатом инфодемии – распространения в большом объеме информации, включающей ложную или вводящую в заблуждение.

Так, например, В. В. Василькова и Н. И. Легостаева анализировали опыт использования социальных ботов в осуществлении пропаганды на фоне эпидемии коронавируса и выявили несколько ботнетов, которые продвигают оппозиционные политические взгляды, критикующие власть и отечественную систему здравоохранения, а также конспирологические теории об угрозе массового отравления продуктов, воды и лекарственных препаратов и опасности попадания населения в «цифровое рабство» с помощью системы биометрических данных [18].

М. О. Макушева и Т. А. Нестик пришли к выводу, что на недоверие к СМИ и властным структурам повлияли противоречия в предоставляемой официальной информации, отсутствие координации в действиях чиновников, опасение сокрытия информации, недостаточное проявление эмпатии и двусторонних коммуникаций между обществом и властью, ощущение несправедливости и разочарование из-за невыполненных обещаний. Вместе с тем, как отмечают авторы, высокий уровень социального доверия обуславливает готовность поставить вакцину и следовать рекомендациям экспертов, а также формирует оптимистичное восприятие будущего; низкий же усиливает тревожность и веру в конспирологию [19]. Кроме того, как показывают исследования А. С. Архиповой, Д. А. Радченко, И. В. Козловой, Б. С. Пейгина, М. В. Гавриловой и Н. В. Петрова, рост недоверия к институтам власти и официальной информации заставляет россиян доверять «ссылкам на инсайдеров» – советам и историям, полученным через горизонтальные каналы коммуникации [20], что не способствует эффективности борьбы с пандемией.

Многим общественным институтам, чтобы «остаться на плаву», пришлось адаптироваться к условиям «новой нормальности». Больше всего это затронуло сферу культуры. К. А. Галкин и О. А. Парфенова выявили следующие проблемы, связанные с вынужденным переходом в онлайн-формат: слабость материально-технической базы и недостаток компетенций и специалистов для производства контента и привлечения аудитории в онлайн. Учреждениям культуры пришлось выработать новые способы вовлечения людей и получения обратной связи от «безучастного зрителя» [21].

Остро актуальной стала проблема адаптации к новому дистанционному формату системы образования. А. В. Андреевская, Е. В. Дмитриева и А. В. Носкова пришли к выводу, что цифровизация образования является фрагментарным процессом, порождающим множество проблем. Родители вынуждены включаться в образовательный процесс, становясь его полноценными субъектами, при этом они не всегда к этому оказываются готовы (ни психологически, ни физически, ни материально). У учителей наблюдаются симптомы кризиса профессиональной идентичности из-за того, что в сложившейся ситуации они не могут реализовывать педагогические функции в нужном объеме [22].

Таким образом, адаптация к условиям «новой нормальности» продемонстрировала, что является весьма болезненным процессом в связи с отсутствием необходимых навыков и психологического неприятия вынужденных изменений.

Однако опросы общественного мнения показывают, что больше половины респондентов (61 %) сумело адаптироваться к жизни в период пандемии. В качестве негативных изменений (а по сути реквизитов «новой нормальности») россияне обозначили ограничительные меры в форме «масочно-

перчаточного режима и штрафов (20 %), проблемы в системе здравоохранения (16 %), ограничения в общении и проведении досуга (по 13 %), путешествий и высокий рост цен (по 10 %). При этом страх за свое здоровье и здоровье близких, угроза их потери волнует гораздо меньшее число опрошенных (9 % и 8 % соответственно). Из положительных приобретений пандемии, которые граждане хотели бы сохранить в будущей нормальной жизни, самым популярным ответом стала возможность удаленной работы, дистанционное обучение, онлайн-курсы – этот вариант ответа выбрали всего 8 % россиян. Столь низкий результат может говорить о том, что респонденты не видят каких-либо значимых положительных аспектов жизни в период пандемии. Вместе с тем, бережное отношение к здоровью, соблюдение гигиены, осторожность в ситуации большого скопления людей, ношение маски в общественных местах в период вспышек заболеваемости, забота о близких высоко оценивается как необходимые и в послепандемийной жизни минимальное количество граждан (от 2 % до 5 % опрошенных) [23]. Таким образом, можно сделать вывод, что пандемия коронавируса выдвинула на первый план эгоизм и материальные ценности индивидов – материальный комфорт, свободу передвижений и досуга. Забота о здоровье – своем и окружающих – оказалась не в приоритете: хотели бы перестать бояться заразиться или заразить других по данным вышеупомянутого опроса всего лишь 4 % россиян.

Выводы

Таким образом, социальные контуры «новой нормальности» в период пандемии коронавируса характеризуются следующими чертами:

- отсутствие доверия к исходящей из официальных источников информации, недоверие к государству и как следствие – широкое распространение непроверенной информации;
- дистанцирование от института официальной медицины, отказ соблюдать ограничительные и профилактические меры;
- вынужденный переход занятости и обучения в онлайн-формат, слабость материально-технической базы и недостаток компетенций для производства контента и привлечения аудитории в онлайн; проблема цифрового неравенства;
- риск «эпидемии одиночества» как результат практики дистанционных отношений, повышенный уровень тревожности, ухудшение социального самочувствия на фоне потери работы и ухудшения финансового положения.

Дальнейшие перспективы исследования

Несмотря на то что исследователи и общественные деятели говорят о наступлении постпандемийной реальности, а коронавирусная повестка практически исчезла с федеральных каналов, коронавирус по-прежнему остается в нашей жизни – продолжают фиксироваться случаи заражения, людей госпитализируют, и некоторые с болезнью

не справляются. В то же время сняты практически полностью все ограничения, в общественных местах без средств индивидуальной защиты появляются не только здоровые граждане, но и с признаками острого респираторного заболевания (которым вполне может оказаться и COVID-19), не думая ни о себе, ни о здоровье окружающих. Что это – эгоизм, низкая культура гигиены или акт сопротивления навязанным властью ограничениям – еще предстоит выяснить социологам и психологам, как и то, какой будет постпандемийная реальность, продолжатся ли в ней существующие тенденции или же все вернется на круги своя. Вряд ли можно ожидать возврата к абсолютно тому же привычному миру – политические и экономические изменения на фоне продолжающейся глобализации и цифровизации, начавшейся задолго до пандемии, привели к тому, что точка невозврата уже пройдена.

Литература

1. Плиев, С. М. «Новая нормальность» в современном мире: исторические аспекты и актуальные политические практики / С. М. Плиев // Новое прошлое. – 2021. – № 3. – С. 214–220.
2. Булатов, А. С. Новая нормальность / А. С. Булатов // Мировое и национальное хозяйство. – 2020. – № 3 (52). – URL: <https://miresc.mgimo.ru/2020/2020-03/novaya-normalnost>.
3. Крылова, Е. Р. Выход из «новой нормальности» / Е. Р. Крылова // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики : сборник научных трудов ; под ред. Б. Д. Бабаева, Е. Е. Николаевой. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2017. – Вып. 12 (28). – С. 56–60.
4. Гаджиев, К. С. Турбулентия современного мира через призму коронавирусной пандемии / К. С. Гаджиев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – № 13 (5). – С. 253–272.
5. Лапшов, В. А. Ловушка «новой нормальности»: новая дефиниция экономической социологии в условиях глобализации / В. А. Лапшов // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2017. – № 1. – С. 3–15.
6. Stonequist, E. V. The Marginal Man: A Study in Personality and Culture / E. V. Stonequist. – Russell & Russell : New York, 1961. – 228 p.
7. Федотова, В. Г. Жизнь в условиях коронавируса / В. Г. Федотова // Знание. Понимание. Умение. – 2020. – № 3. – С. 90–99.
8. Alexander, J. C. COVID-19 and symbolic action: global pandemic as code, narrative, and cultural performance / J. C. Alexander, P. Smith // American Journal of Cultural Sociology. – 2020. – № 8 (3). – P. 263–269.
9. Collins, R. Social distancing as a critical test of the micro-sociology of solidarity / R. Collins // American Journal of Cultural Sociology. – 2020. – № 8 (3). – P. 477–497.
10. Foucault, M. Coronavirus and Philosophers / M. Foucault, G. Agamben, S. Benvenuto // The European Journal of Psychoanalysis. – URL: <https://www.journal-psychoanalysis.eu/articles/coronavirus-and-philosophers/>.
11. Bayhan, V. Sociology of the pandemic and the paradigm transformation in the new normal period / V. Bayhan // Reflections on the pandemic in the future of the world September. – 2020. – URL: <https://clck.ru/33ECXS>.
12. Dasgupta, M. Sociological relevance of «new normal»: exploring new social norms and practices / M. Dasgupta. – URL: <https://adamasuniversity.ac.in/sociological-relevance-of-new-normal-exploring-new-social-norms-and-practices/>.
13. Исупова, О. Г. Ковидный ресентимент в социальных сетях: репертуар мотивированных суждений / О. Г. Исупова, Е. Ю. Рождественская, А. Е. Лагерева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 5. – С. 374–398.
14. Соколов, Б. О. Социально-демографические особенности, личностные черты, ценности и установки ковид-скептиков в России / Б. О. Соколов, М. А. Завадская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 6. – С. 410–435.
15. Глазков, К. П. В погоне за коллективным иммунитетом: прививочные стратегии россиян в контексте различных форм принуждения к вакцинации / К. П. Глазков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 3. – С. 301–326.
16. Кирзюк, А. А. «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды / А. А. Кирзюк // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 2. – С. 484–509.
17. Решетников, А. В. Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы / А. В. Решетников, Н. В. Присяжная, С. В. Павлов, Н. Ю. Вяткина // Социологические исследования. 2020. – № 7. – С. 138–143.
18. Василькова, В. В. Социальные боты в компьютерной пропаганде: серфинг на информационной волне коронавируса / В. В. Василькова, Н. И. Легостаева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 6. – С. 329–356.
19. Макушева, М. О. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии / М. О. Макушева, Т. А. Нестик // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 6. – С. 427–447.
20. Архипова, А. С. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета / А. С. Архипова, Д. А. Радченко, И. В. Козлова, Б. С. Пейгин, М. В. Гаврилова, Н. В. Петров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 6. – С. 231–265.

21. Галкин, К. А. Последствия пандемии COVID-19 для организаций культуры / К. А. Галкин, О. А. Парфенова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 3. – С. 254–276.

22. Андреевкова, А. В. Восприятие цифровизации школьного образования: исследовательские результаты онлайн-фокус-групп с учителями и родителями учени-

ков / А. В. Андреевкова, Е. В. Дмитриева, А. В. Носкова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 2. – С. 272–291.

23. Прощай, COVID-19? Два года пандемии, адаптация и смена повестки : аналитический обзор ВЦИОМ от 15.03.2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/proshchai-covid-19-dva-goda-pandemii-adaptacija-i-smena-povestki>.

Антонова Наталья Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: antonovanv@susu.ru. ORCID: 0000-0001-6482-5739

Поступила в редакцию 3 декабря 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh230108

THE INDIVIDUAL AND SOCIETY UNDER THE «NEW NORMAL»: A REVIEW OF SOCIOLOGICAL STUDIES OF PANDEMIC

N. V. Antonova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article reveals the social context of the «new normal» during the COVID-19 pandemic. It describes the essence and content of the «new normal». The article notes that the «new normal» is a complex multicomponent construct that requires an interdisciplinary approach. To describe the social framework of the «new normal» during the pandemic the articles on the coronavirus in the sociological journals have been analyzed. The main focus of these surveys is on the social well-being of citizens during the pandemic, the influence of the media on the perception of the pandemic, the impact of the pandemic on everyday social practices. It is stated that the pandemic social reality is affected by the transformation of everyday practices, modes of interpersonal interaction, work organization and the provision of services inclining in digitalization. These changes are mostly negative, as they are accompanied by a deterioration in the economic situation, a decrease in the quality of life, the marginalization of social and individual daily practices, a deformation of the social and psychological well-being. The article also outlines further research prospects.

Keywords: new normal, pandemic, digitalization, infodemic, distrust, social well-being.

References

1. Pliev S.M. «Novaja normal'nost'» v sovremennom mire: istoricheskie aspekty i aktual'nye politicheskie praktiki [«New Normal» in the Modern World: Historical Aspects and Current Political Practices] // *Novoe proshloe*. 2021. № 3. S. 214–220.
2. Bulatov A.S. Novaja normal'nost' [New Normal] // *Mirovye i nacional'noe hozjajstvo*. 2020. № 3 (52). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2020/2020-03/novaya-normalnost>.
3. Krylova E.R. Vyhod iz «novojo normal'nosti» [Breaking out of the «New Normal»] // *Mnogourovnevoe obshhestvennoe vosproizvodstvo: voprosy teorii i praktiki: sbornik nauchnyh trudov; pod red. B.D. Babaeva, E.E. Nikolaevoj. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, 2017. Vyp. 12 (28). S. 56–60.*
4. Gadzhiev K.S. Turbulencija sovremennogo mira cherez prizmu koronavirusnoj pandemii [Turbulence of the Modern World through the Prism of the Coronavirus Pandemic] // *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*. 2020. № 13 (5). S. 253–272.
5. Lapshov V.A. Lovushka «novojo normal'nosti»: novaja definicija jekonomicheskoj sociologii v uslovijah globalizacii [The «New Normal» Trap: a New Definition of Economic Sociology in the Context of Globalization] // *Nauchnoe obozrenie. Serija 2: Gumanitarnye nauki*. 2017. № 1. S. 3–15.
6. Stonequist E.V. *The Marginal Man: A Study in Personality and Culture*. Russell & Russell: New York, 1961. 228 p.
7. Fedotova V.G. Zhizn' v uslovijah koronavirusa [Life under the Coronavirus] // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2020. № 3. S. 90–99.
8. Alexander J.C., Smith P. COVID-19 and Symbolic Action: Global Pandemic as Code, Narrative, and Cultural Performance // *American Journal of Cultural Sociology*. 2020. № 8 (3). P. 263–269.

9. Collins R. Social Distancing as a Critical Test of the Micro-Sociology of Solidarity // *American Journal of Cultural Sociology*. 2020. № 8 (3). P. 477–497.
10. Foucault M., Agamben G., Benvenuto S. Coronavirus and Philosophers // *The European Journal of Psychoanalysis*. URL: <https://www.journal-psychoanalysis.eu/articles/coronavirus-and-philosophers/>.
11. Bayhan V. Sociology of the Pandemic and the Paradigm Transformation in the New Normal Period // *Reflections on the Pandemic in the Future of the World September*. 2020. URL: <https://clck.ru/33ECXS>.
12. Dasgupta M. Sociological Relevance of «New Normal»: Exploring New Social Norms and Practices. URL: <https://adamasuniversity.ac.in/sociological-relevance-of-new-normal-exploring-new-social-norms-and-practices/>.
13. Isupova O.G., Rozhdstvenskaja E.J., Lagereva A.E. Kovidnyj resentment v social'nyh setjah: repertuar motivirovannyh suzhenij [COVID Resentment in Social Media: a Repertoire of Motivated Judgments] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2021. № 5. S. 374–398.
14. Sokolov B.O., Zavadsckaja M.A. Social'no-demograficheskie osobennosti, lichnostnye cherty, cennosti i ustanovki kovid-skeptikov v Rossii [Socio-Demographic Profiles, Personality Traits, Values, and Attitudes of COVID-Skeptics in Russia] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2021. № 6. S. 410–435.
15. Glazkov K.P. V pogone za kollektivnym immunitetom: privivochnye strategii rossijan v kontekste razlichnyh form prinuzhdenija k vakcinacii [Chasing Herd Immunity: Vaccination Strategies of Russians in the Context of Various Forms of Enforcement to Vaccination] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2022. № 3. S. 301–326.
16. Kirzjuk A.A. «U menja net straha»: kovid-dissidenty v poiskah agentnosti i pravdy [«I Have No Fear»: COVID Skeptics in Search of Agency and Truth] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2021. № 2. S. 484–509.
17. Reshetnikov A.V., Priszazhnaja N.V., Pavlov S.V., Vjatkina N.J. Vosprijatie pandemii COVID-19 zhiteljami Moskvy [Perception of the COVID-19 Pandemic by Moscow Residents] // *Sociologicheskie issledovanija*. 2020. № 7. S. 138–143.
18. Vasil'kova V.V., Legostaeva N.I. Social'nye boty v komp'juternoj propagande: serfing na informacionnoj volne koronavirusa [Social Bots in Computational Propaganda: Surfing the Coronavirus Information Wave] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2020. № 6. S. 329–356.
19. Makusheva M.O., Nestik T.A. Social'no-psihologicheskie predposylki i jeffekty doverija social'nym institutam v uslovijah pandemii [Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2020. № 6. S. 427–447.
20. Arhipova A.S., Radchenko D.A., Kozlova I.V., Pejgin B.S., Gavrilova M.V., Petrov N.V. Puti rossijskoj infodemii: ot WhatsApp do sledstvennogo komiteta [Specifics of Infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Committee] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2020. № 6. S. 231–265.
21. Galkin K.A., Parfenova O.A. Posledstvija pandemii COVID-19 dlja organizacij kul'tury [The Impact of the COVID-19 Pandemic on Cultural Organizations: The Case of Russia] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2022. №3. S. 254–276.
22. Andreenkova A.V., Dmitrieva E.V., Noskova A.V. Vosprijatie cifrovizacii shkol'nogo obrazovanija: issledovatel'skie rezul'taty onlajn-fokus-grupp s uchiteljami i roditeljami uchenikov [Perception of School Learning Digitalization and Its Consequences: Research Outcomes of Online Focus Groups with Teachers and Parents of Schoolchildren] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2022. № 2. S. 272–291.
23. Proshhaj COVID-19? Dva goda pandemii, adaptacija i smena povestki: analiticheskij obzor VCIOM ot 15.03.2022. [Goodbye COVID-19? Two Years of the Pandemic, Adaptation and Change of the Agenda: Survey]. URL: <https://vciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/proshchai-covid-19-dva-goda-pandemii-adaptacija-i-smena-povestki>.

Natalia V. Antonova – Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Sociology, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: antonovanv@susu.ru

Received December 3, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Антонова, Н. В. Человек и общество в условиях «новой нормальности»: обзор социологических исследований пандемии / Н. В. Антонова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 64–72. DOI: 10.14529/ssh230108

FOR CITATION

Antonova N. V. The Individual and Society under the «New Normal»: a Review of Sociological Studies of Pandemic. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 64–72. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230108